

Выборы для власти, выборы для граждан

Перевышин Н. В.

ООО «Центр исследования правоприменения», г. Уфа, Республика Башкортостан, Российская Федерация; nvperevyshin@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Целью статьи является исследование выборов с позиции мотивации участия в них общества. Разграничиваются интересы профессиональных политических субъектов и народа.

Проводится сравнительный анализ ряда моделей демократии с позиции их соответствия действительности. Элитарная модель демократии взята как основа для дальнейшего исследования. Изложен авторский подход к демократии как к одному из средств гибридного управления обществом в противовес делению государств на демократические и недемократические.

Разграничены выборы в органы государственной власти и выборы в органы местного самоуправления исходя из отличий в мотивации участия в них избирателей.

Предложена электоральная модель, включающая выборы как совещательный механизм (выборы для власти) и выборы как механизм общественного представительства и самоуправления (выборы для граждан).

Ключевые слова: модели демократии, выборы, местное самоуправление, электоральное поведение, избирательный процесс

Для цитирования: Перевышин Н. В. Выборы для власти, выборы для граждан // Управленческое консультирование. 2022. № 1. С. 35–46.

Elections for the Authorities, Elections for Citizens

Nikita V. Perevyshin

Center for Law Enforcement Research LLC, Ufa, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; nvperevyshin@yandex.ru

ABSTRACT

The purpose of this article is to study elections from the perspective of the motivation of society's participation in them. The interests of professional political subjects and the people are differentiated.

A comparative analysis of a number of models of democracy is carried out from the position of their correspondence to reality. The elite model of democracy is taken as a basis for further research. The author's approach to democracy as one of the means of hybrid management of society as opposed to the division of states into democratic and non-democratic is described.

Elections to state authorities and elections to local self-government bodies are differentiated based on differences in the motivation of voters to participate in them.

An electoral model is proposed that includes elections as an advisory mechanism (elections for the authorities) and elections as a mechanism of public representation and self-government (elections for citizens).

Keywords: models of democracy, elections, local self-government, electoral behavior, electoral process

For citing: Perevyshin N. V. Elections for the Authorities, Elections for Citizens // Administrative consulting. 2022. N 1. P. 35–46.

Введение. Легитимация власти как цель и главная проблема выборов

Политическая стабильность современного общества как в демократических, так и в гибридных режимах обеспечивается убежденностью граждан в учете их мнения при принятии политических решений, в ощущении наличия у властных политических элит поддержки со стороны большинства населения.

Наиболее простым и действенным механизмом легитимации власти являются выборы. В демократических режимах с помощью проведения выборов возможна смена власти или же частичная ротация выборных должностных лиц. В недемократических режимах выборы имеют не менее значимую роль как фактор внешней или внутренней легитимации власти и желателен с получением подавляющего преимущества на выборах как деморализующего фактора для оппозиционно настроенных сил [4, с. 194]. Таково традиционное понимание.

Как правило, после упомянутого разделения целей выборов в демократических и недемократических режимах следуют и разные исследования данных институтов в зависимости от политических режимов как несвязанных между собой и существенно разных.

Однако использование выборных процедур исключительно как «фасад» легитимности власти, в конечном итоге, приводит к тому, что выборы перестают решать требуемую от них задачу в авторитарных режимах. Соответственно, в авторитарных режимах одной из главных задач власти является поддержание интереса граждан к избирательным кампаниям, их веры в справедливый характер выборов.

Между тем выборы в демократических режимах без наращивания активности гражданского общества в избирательном процессе неизбежно становятся формальным ритуалом, призванным оформить результат внутриэлитной борьбы. Избирательная кампания, по справедливому замечанию К. Крауча, становится «срежиссированным спектаклем» для апатичных граждан [4, с. 18–19]. А сама либеральная демократия настолько далеко ушла от своего прямого назначения, что сейчас больше обсуждается как возможный критерий экономического роста [13].

В конечном итоге выборы в демократических режимах как способ легитимации власти, обеспечивающий политическую стабильность в обществе, имеют те же риски утраты интереса граждан, как и в недемократических.

В современной России одним из главных факторов абсентеизма считается неверие граждан в выборы. Особенно это характерно для молодежи — традиционно политически активной части общества. Так, в одном исследовании более половины опрошенных студентов объяснили свое нежелание участвовать в выборах причинами неверия в сам избирательный процесс [1, с. 27]. Существующий в России уровень абсентеизма заставляет ряд исследователей задуматься о легитимности деятельности самих выборных органов [9].

Отношение общества к выборам становится определяющим для стабильного функционирования органов публичной власти и политической системы в целом.

Модели демократии и выборы: теоретические основы

Традиционно выборы рассматриваются как инструмент борьбы за власть или удержания власти. Между тем сами избиратели являются уникальным субъектом электоральных процедур. У граждан нет цели захвата власти или ее удержания посредством победы на выборах, нет цели демонстрации собственной легитимности — это все относительно к интересам избирательных объединений и кандидатов на выборные должности, не общества. Именно поэтому вопрос соотношения выборов и демократии в целом с интересами общества неоднократно поднимался многими

современными исследователями теоретических основ демократии. Исследования выборов невозможно без понимания сути демократии и ее практической направленности.

Согласно эмансипационной теории демократии, демократические ценности в обществе являются следствием экономического развития и последующего социального запроса на демократизацию [3, с. 433–434]. Между тем экономическое развитие вряд ли можно считать монолитным процессом, охватывающим в равной степени все общество. Наоборот, теория экономического развития основывается на крайне «недемократических» постулатах воздействия и влияния узкой группы предпринимателей на запросы широкого круга потребителей (общества) [12, с. 131–132]. Если запрос на демократизацию и стал следствием экономического развития, то, скорее, это произошло в результате манипулирования общественным мнением со стороны бизнес-элиты или отдельных групп влияния в своих интересах, а не в результате самостоятельных массовых эволюционных изменений в сознании общества.

Элитарная модель демократии с определением ограниченной функции электората как сторонников или противников отдельных политических сил [12, с. 681–682] более соответствует духу теории экономического развития. Как разновидность элитарной модели можно воспринять конкурентную модель демократии [23], поскольку она также в большей степени концентрируется на борьбе за политическое лидерство между профессиональными субъектами политических отношений.

Вероятно, элитарная модель демократии нашла свое практическое применение в существующем политическом управлении обществом в двух разновидностях:

- 1) электоральный популизм в странах с открытой внутриэлитной конкуренцией;
- 2) электоральный авторитаризм в странах с закрытой внутриэлитной конкуренцией.

Полиархия [9], общественная демократия [22] и родственные им теории демократии предполагают какой-то патологический интерес к политике со стороны широких народных масс и крайне высокий уровень самоорганизации в обществе. Вряд ли подобные воззрения соответствуют действительности [5]. На практике мы бы пришли к ликвидации государства как института.

К тому же общество склонно принимать решения поспешно и эмоционально ввиду отсутствия сдержек импульсивного поведения [25]. На существующем этапе развития цивилизации это неприемлемо и опасно.

В целом современные модели демократии в части непосредственно электоральных процедур можно классифицировать на две группы:

- основанные на массовой политической активности населения и выборы представляют из себя «наем» профессиональных управленцев;
- основанные на опосредованном участии граждан в политике и выборы представляют собой своеобразный опрос электората относительно удовлетворенности граждан своей жизнью.

Первая группа, по нашему убеждению, носит исключительно идеологический характер. Подобные воззрения характерны только для стран электорального популизма и призваны обеспечить легитимность существующей в них модели открытой внутриэлитной конкуренции. Вторая группа отражает реальные политические процессы.

Роль общества в публичной политике

Принятое деление государств с электоральными процедурами на гибридные и демократические режимы не имеет существенного значения для исследования института выборов с позиции интересов общества. Подобная классификация относима строго к моделям общественного управления политическими элитами и их внутренней борьбы за захват или удержание власти.

Как уже было указано выше, у граждан нет целей захвата и удержания политической власти, отсутствует необходимость легитимации собственной деятельности как субъекта политической сферы. Нет и заинтересованности большинства граждан в политике.

Существующие теории (модели) демократии не отвечают на главный вопрос: зачем гражданам выборы?

С. Н. Шкель предпринял попытку исследовать политическое мышление общества [11], но во многом с позиции интересов политической элиты и ее влияния на общественные убеждения, что не отрицалось автором и в дальнейшем [10]. Мы не оспариваем значимость последствий внутриэлитной конкуренции на общественные убеждения и соответствующую реакцию электората на производимые над ним манипуляции, но это не приближает нас к пониманию объективной мотивации граждан к участию в выборах.

Возможно рассматривать интересы граждан в электоральных процедурах как цель влияния на публичную власть [8]. Но как тогда определить, что из такого «влияния на власть» происходит от общественных интересов, а что является следствием применения манипулятивных технологий воздействия на общественное мнение? Не мимикрируют ли под такое «влияние на власть» обычные технологии борьбы за власть в государствах с открытой внутриэлитной конкуренцией или же технологии дестабилизации политических систем с закрытой внутриэлитной конкуренцией?

Ответить на такие вопросы возможно только после уяснения сущности интересов общества в политике. Мы не рассматриваем политическое участие как интерес общества, наоборот — мы видим в политическом участии последствия манипулирования общественным мнением. Это можно доказать на примере протестных акций и практики деятельности демократических политических сил России.

Политическая партия «Яблоко» за несколько месяцев до выборов депутатов Государственной Думы ФС РФ проводит внутренние управленческие реформы, затрудняющие вступление в партию и смену ее руководства.

Формально демократически ориентированная оппозиция на практике реализовала классические стандарты авторитарных моделей общественного управления в собственных структурах, не способствовала продвижению общественных интересов и потому оказалась не востребована в обществе.

Например, совсем недавно ряд исследователей полагали, что внесистемная оппозиция в России после многолетнего периода формирования и президентских выборов 2018 г. (в части деятельности А. А. Навального) стала настолько авторитетной и влиятельной, что ее уже невозможно просто так «удалить» [21, с. 14]. После замены А. А. Навального уголовного наказания с условного на реальное лишение свободы и фактического «удаления» с политического поля его основных сторонников стало понятно, что социальная ценность всех его политических действий за более чем десятилетний период крайне мала.

Не произошло создание какого-либо общественно-политического объединения, а сформировавшиеся региональные и местные общества его сторонников были либо не признаваемы «официальной» внесистемной оппозицией, либо формировались «штабы Навального»¹ на основе недемократической процедуры назначения глав этих штабов, их финансовой зависимости от «центра» сети таких штабов. Отсутствовала в структурах А. А. Навального коллегиальность управления на всех уровнях, не было открытой конкурентной борьбы за руководящие должности, не было ни одной выборной должности. Как видим, А. А. Навальный, имея возможность деятельно показать демократическую структуру обществен-

¹ Признаны экстремистскими организациями.

ного управления, воспринял крайне авторитарную модель в созданных им же социальных структурах.

Несмотря на это, большинство сторонников А. А. Навального представляют себя сторонниками демократии и выступают против любого авторитаризма. Намеревались и пытались «влиять на власть» с целью демократизации. Многие избиратели поддерживали таких деятелей на выборах и становились участниками «Умного голосования». Мы ранее уже критически отнеслись и к «Умному голосованию» как стадии демократизации [7].

Но была ли у избирателей «Умного голосования» реальная оценка деятельности структур А. А. Навального с позиции демократии и общественного интереса? Вряд ли они смогли бы в структурах А. А. Навального найти ту самую демократию участия, скорее это была обычная автократия. Но такой автократизм был воспринят как стремление к демократии обычными его сторонниками — разграничение демократии и авторитаризма в российском обществе весьма условно и субъективно. К примеру, абсолютный автократ Б. Н. Ельцин вместо Конституции своим личным указом упраздняющий любую законную государственную власть и назначающий по своей воле название, структуру парламента¹, принцип избрания², какой он штат может иметь³, «выбирающий» будущего Президента РФ самовластно⁴ — в сознании российского общества остается демократичным правителем.

Описанные выше недавние протестные события в России действительно можно охарактеризовать воздействием на власть, но в интересах определенных политических акторов. И граждане в этих случаях не оказывали давление на власть, давление оказывали политики и в своих интересах. Не было борьбы демократических структур с авторитарной властью за пределами манипуляции общественным мнением. Само активное политическое участие российского общества также коррелируется по времени с началом очередного периода мобилизации общественного сознания в интересах отдельных политических сил. Активное и массовое общественное политическое участие не самостоятельно существующий процесс, а связанная обществу деятельность.

Сами же федеральные выборы в России достаточно длительный период времени являются бессодержательными с позиции выбора вектора политического развития страны, интереса к предвыборным программам или новым лицам.

В целом стоит согласиться с мнением, что в ряде случаев выборы при предсказуемом победителе нужны только для легитимации власти через высокую явку, а сама явка больше воспринимается как показатель лояльности со стороны региональных и местных властей [20].

Не прослеживается «влияние на власть» общества и в отношении обеспечения честности подсчета голосов и определения результатов выборов. Как справедливо

¹ Указ Президента Российской Федерации от 21.09.1993 г. № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/4364> (дата обращения: 02.07.2021).

² Указ Президента РФ от 11 октября 1993 г. № 1626 «О выборах в Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/181394/> (дата обращения: 02.07.2021); Указ Президента РФ от 1 октября 1993 г. N 1557 «Об утверждении уточненной редакции Положения о выборах депутатов Государственной Думы в 1993 году и внесении изменений и дополнений в Положение о федеральных органах власти на переходный период» (с изменениями и дополнениями) (утратил силу) [Электронный ресурс]. URL: <https://constitution.garant.ru/history/active/172701/> (дата обращения: 02.07.2021).

³ Указ Президента Российской Федерации от 08.10.1993 г. № 1614 «Об аппарате Федерального Собрания Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/4565> (дата обращения: 02.07.2021).

⁴ «Я ухожу, я сделал все, что мог». 20 лет назад Ельцин объявил Путина преемником [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/7435219> (дата обращения: 02.07.2021).

отмечено, протесты могут быть массовыми и успешными, если фальсификации имеют явный видимый характер и наличие нарушений очевидно для простых граждан [19]. При контролируемых участниках избирательного процесса на выборах отсутствуют наблюдатели, которые могут фиксировать нарушения и распространять информацию о них, а многодневное голосование и современные технологии способны исключить видимые грубые нарушения в избирательном процессе.

Резюмируя, можно сделать следующий вывод: большинству граждан политика неинтересна и их вовлечение в политику с большой долей вероятности является результатом манипулятивных технологий, отсутствуют политические силы, представляющие интересы общества как субъекта электорального процесса, выборы в органы государственной власти по существу являются референдумом о доверии действующей власти, общество не имеет самостоятельных целей в избирательном процессе.

Выборы для граждан: специфика муниципальных выборов

Изложенный выше вывод применим к «политическим» выборам (главы государства, парламентов, губернаторов). Совершенное иное свойство имеют муниципальные выборы. Достаточно давно было выявлено, что многие избиратели, при совмещении дней голосования по национальным и локальным выборам, могут голосовать за представителей одной политической партии на национальных выборах, а в бюллетени по местным выборам — за кандидата от другой политической партии [15]. Конечно, так не происходит в отношении каждого избирателя, но существует значимое количество избирателей, которые разделяют для себя государственные и муниципальные выборы.

В России местные выборы в последнее время тоже начинают приобретать значимость, и такая тенденция способна сохраниться. Прежде всего муниципальные выборы важны для начинающих политиков или гражданских активистов, которые по различным причинам не участвуют в номенклатурном распределении депутатских мандатов.

На локальном уровне происходит настоящее демократическое взаимодействие кандидата на выборную должность и избирателей. Общество как субъект избирательного процесса компетентно в локальных вопросах: активные жители отдельного микрорайона прекрасно знают о его конкретных проблемах и имеют свое видение возможных сценариев их решения.

Особенно важно, что многие граждане определяют свое отношение к действующей государственной власти исходя из оценки собственного уровня жизни, который всегда зависит от качества инфраструктуры места проживания, т. е. от удовлетворенности решения вопросов местного значения.

Безусловно, как уже было отмечено выше, не все граждане способны разграничить для себя государственные и муниципальные выборы. Гораздо проще апеллировать к центральной государственной власти, высказывать недовольство голосованием против правящих политических сил (в том числе на выборах муниципального уровня) или, наоборот, несмотря на явные проблемы на локальном уровне, поддерживать всех кандидатов правящей партии из-за личных симпатий к главе государства с последующей утратой имеющихся симпатий. И политикам проще использовать такую политическую некомпетентность избирателей для получения нужного общественного мнения перед днем голосования.

Но тут имеется искажение электорального диалога: политическая элита запрашивает легитимацию в целях государственного управления, а общество реагирует на такой запрос, исходя из собственной оценки качества деятельности муниципальных органов самоуправления.

При описанных искажениях политическая элита, естественно, выбирает наиболее простые способы обеспечения получения легитимности — образ врага и фальсификации при электоральном авторитаризме или перенос акцента общественного дискурса с наличия проблем на хорошие перспективы в будущем при электоральном популизме.

Тактически позиция выигрышная для власти, но стратегически ущербна, так как уже привела к проблемам, которые в достаточной мере изучены Питером Майром [5]. Избиратели неспособны вести политическую полемику на таком же экспертном уровне, что и подготовленные политики и журналисты. Спор профессионала и любителя всегда оканчивается тем, что любителю становится неинтересно его продолжать. Постоянное применение одних и тех же тактик за явным преимуществом в силе привело к предсказуемому результату — люди «вышли» из такого электорального диалога.

Политическая элита как профессиональный участник избирательного процесса имеет более широкий спектр обязанностей по стратегическому управлению избирательным процессом. Основой такого управления является разделение электоральных процедур исходя из их конечного «выгодоприобретателя» на выборы для власти и выборы для граждан.

Как видим, «политические» выборы в высшие органы государственной власти могут использоваться и используются как способ легитимации деятельности политической власти. Сами граждане могут быть «статистами», а не активными участниками политического процесса.

К тому же, выборы в органы государственной власти в современном мире не являются элементом народовластия. Граждане высказывают поддержку (или отказывают в этом) политическим силам, а степень такой поддержки уже используется конкретными политическими силами для корректировки управленческого воздействия на общество [18, с. 436]. Вполне уместна аналогия в части управления бизнес-процессами по продаже товаров и услуг — предприниматели активно используют различные формы голосования потребителей относительно качества и востребованности продаваемого товара (предоставляемых услуг). Но в таких процессах покупатели не становятся субъектами управления бизнесом, скорее такие процессы существуют как индикатор для корректировки развития деятельности хозяйствующих субъектов.

Локальные выборы потенциально более интересны избирателям именно как субъектам управления. Они напрямую ориентированы на формирование концепции городской среды или развития сельского поселения. Неслучайно одним из самых популярных общественно-политических блогеров в России является Илья Варламов, который взял за первоначальную основу своей деятельности как раз исследования вопросов местного значения. Темы благоустройства городов, явных ошибок в планировании общественных пространств и ведении городского хозяйства оказались интереснее российскому обществу в сравнении с многими проблемами «большой политики».

Но широкий интерес общества к муниципальным выборам не может появиться сам по себе. Особенно, когда годами внимание граждан приковывали к совсем другим избирательным кампаниям. Проблема не имеет российской специфики. Вопрос о необходимости целенаправленной деятельности по большему вовлечению граждан именно в муниципальные выборы исследуется и в Великобритании [24].

На муниципальном уровне возможно равное противоборство и поиск компромисса между государственной властью и населением. В том числе это происходит и из-за разного подхода к управленческой деятельности: государственная власть на местном уровне старается действовать директивными способами в обход демократических процедур, в том числе используя как своих агентов коммерческие структуры, особенно в сфере строительства и недвижимости [17]. При этом непо-

средственный контроль за качеством осуществления ими своей деятельности может быть осуществлен самим обществом самостоятельно как заинтересованной стороной посредством различных форм местного самоуправления.

В современной российской практике все чаще и чаще стали появляться негативные оценки горожан качества работы управляющих компаний в сфере жилищно-коммунального хозяйства или способности привлекаемых городскими или региональными властями компаний строить качественные детские игровые площадки и пр.

Во многих случаях граждане действительно оказываются правы. Но такой неконструктивный выход критики через обнародование сведений о некачественных работах или попустительстве со стороны местных чиновников не предполагает демократическое участие и не способен содействовать социальному развитию. В сухом остатке получаем только рост протестных настроений и падение интереса избирателей к политике и выборам, что уже не соответствует интересам публичной власти и самого общества.

Но муниципальные выборы не могут предоставить обществу такую же мотивацию участия, как выборы в органы государственной власти, особенно выборы высших органов государственной власти. На местном уровне не подлежат разрешению вопросы вектора государственного развития, невозможен идеологический дискурс, а полное отсутствие узнаваемых харизматичных политиков делают выборы в органы местного самоуправления максимально незаметными для многих граждан.

Местные выборы могут успешно существовать не как разовый акт легитимации власти, а как составная часть более длительного процесса, поскольку для избирателей на местном уровне будет более важен сам процесс и непосредственное участие в нем, а не выбор между несколькими неизвестными им кандидатами раз в несколько лет.

Соответственно, максимальное вовлечение граждан на всех стадиях избирательного процесса, предоставление новых механизмов юридической защиты их избирательных прав будет способствовать росту доверия граждан к выборам, позитивному отношению к деятельности органов публичной власти. Неслучайно в теории республиканизма широкое участие граждан в политической жизни воспринимается лучшей гарантией контроля за справедливостью законов и влиянием на власть [14, с. 100]. К тому же успешное развитие демократических институтов предполагает их поддержку со стороны населения [16].

Заключение

Первозданное значение демократии как самовластия народа встречается и в современной политической риторике как довольно успешная попытка манипулирования общественным мнением в целях сохранения действующей модели управления обществом или же в целях дестабилизации общественных настроений и последующего захвата публичной власти со стороны отдельных политиков.

Политическое управление давно существует как профессиональная деятельность. Профессиональные сообщества в своей основе не имеют исконно демократических процедур формирования. И не могут их иметь вследствие постоянного процесса усложнения и специализации управленческой деятельности.

В социально развитых странах достигнут консенсус относительно судебной власти. Вряд ли значительное число граждан в России, странах Евросоюза или США предпочтут избираемость судей на основе равного и всеобщего пассивного избирательного права их профессиональной компетентности как ключевой основы формирования судейского корпуса. Хотя с судебной властью общество прямо сталкивается чаще, чем с деятельностью избранных органов государственной власти.

Количество обращений в судебные органы значительно превосходит количество обращений в избранные народом представительные органы. В 2020 г. российские суды рассмотрели примерно 38 400 000 дел¹. Каждое судебное дело имеет двух и более участников. Даже при условии участия одного гражданина или организации в нескольких процессах, мы имеем дело примерно более чем с 40 млн участниками в деятельности судебной власти ежегодно. Большинство взрослого населения России прямо участвовало в деятельности судебной власти или как стороны по делу, или как свидетели, присяжные заседатели, эксперты и иные участники судебного процесса.

Существует ли спрос на демократизацию такой самой близкой к народу ветви власти как судебная и есть ли «ген» власти у общества? Данных об этом нет. Вряд ли такой запрос есть и в странах «старой демократии». Таким образом, приходим к выводу, что общество адекватно воспринимает профессионализм как основу государственного управления без обязательной необходимости народовластия.

Соответственно, нет оснований полагать, что в деятельности выборных органов государственной власти граждане будут против профессионализма как главного критерия избрания.

Вероятнее, что сама идея народного управления навязывается обществу как идеология и воспринимается обществом не как мера ответственности за принимаемые гражданами самостоятельные решения, а как удобная возможность для них же не заниматься общественно значимыми делами. Но есть и социально активные граждане, которые должны быть вовлечены в социально-политический дискурс.

Существующий этап развития человечества не может строиться на позиции разделения мира на демократические/недемократические страны, поскольку подлинно демократических стран не существует. Более важен рациональный подход к диалогу с обществом.

Есть «выборы для власти», где от избирателей как потребителей государственных услуг требуется высказать рекомендуемое направление развития страны с полным осознанием необходимости профессионального политического управления. Есть «выборы для граждан», где общество самостоятельно из своего числа избирает своих представителей для решения вопросов местного значения. На том может быть основана политическая стабильность, а не ее видимость.

Выборы для граждан — не разовое мероприятие. К примеру, в Российской Федерации существует территориальное общественное самоуправление (ТОС) со своими вертикальными и горизонтальными связями, с его включением в «традиционное» управление муниципальным образованием. При надлежащем внимании со стороны органов государственной власти, выборы в органы ТОС во многом будут определять выборы депутатов советов муниципальных образований или выборы в региональные органы представительной власти.

Будет, с одной стороны, отсутствовать голосование за неизвестного избирательному округу кандидата, с другой стороны — кандидат на выборную должность уже доказал свою состоятельность как управленец и как представитель общества во взаимодействии с органами публичной власти. Появляются предпосылки для разумного диалога между представителями общества и государственной власти.

Выборы для власти не менее важны для общества, но при должном электоральном диалоге они уже не похожи на театрализованное представление, — вопрос доверия власти и рекрутинга во власть новых профессионалов без ненужного идеологического налета самовластия общества. В этом и есть современная основа демократии как части гибридного управления обществом.

¹ Верховный суд подвел итоги работы судов за 2020 год [Электронный ресурс]. URL: https://www.vsrff.ru/press_center/mass_media/29651/ (дата обращения: 08.07.2021).

При развитии муниципальной демократии невозможно образование стихийных и неконтролируемых политических процессов, способных повлиять на стабильность в деятельности государственных институтов. Локальная демократия как демократия участия предполагает формирование сложной системы общественного самоуправления, что, наоборот, обеспечивает политическую стабильность, исключает конъюнктурные массовые протесты не вовлеченных в политическую жизнь общества активных граждан.

Литература

1. Городецкая Е. Г. Мотивация электорального поведения студенческой молодежи // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2020. Т. 6. № 4. С. 23–29.
2. Даль Р. А. Полиархия: участие и оппозиция. М. : Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. 288 с.
3. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М. : Новое издательство, 2011. 464 с.
4. Крауч К. Постдемократия. М. : Изд. Дом Гос. Ун-та — Высшей школы экономики, 2010. 192 с.
5. Майр П. Управляя пустотой: размывание западной демократии. М. : Изд-во Института Гайдара, 2019. 216 с.
6. Медведев Ю. С. Зачем автократам выборы? Политическая наука о роли выборов при авторитаризме // Сравнительная политика. 2020. Т. 11, № 4. С. 189–200.
7. Перевышин Н. В. Территориальные общественные праймериз как основа российского парламентаризма // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 1 (19). С. 148–160.
8. Тиняков Д. К. Общественное влияние как фактор политико-управленческого процесса в регионах России: концептуальная (не-)возможность в гибридном режиме? // Вестник Пермского университета. Сер.: Политология. 2019. Т. 13, № 4. С. 81–90.
9. Хубаева Д. Ф. Абсентеизм на муниципальных выборах в Российской Федерации // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 3. С. 133–138.
10. Шкель С. Н. Трамизм: возвышение авторитарного популизма в цифровую эпоху // Политическая наука. 2021. № 1. С. 322–332.
11. Шкель С. Н. Эволюция политического сознания современных обществ: имеет ли значение режимная среда? // Политическая наука. 2017. № 1. С. 253–280.
12. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / пер. с нем.; пер. с англ. М. : Эксмо, 2008. 864 с.
13. Aloysius-Michaels Okolie, Kelechi Elijah Nnamani, Gerald Ekenedirichukwu Ezirim, Chukwuemeka Enyiazu & Adanne Chioma Ozor () Does liberal democracy promote economic development? interrogating electoral cost and development trade-off in Nigeria's fourth republic // Cogent Social Sciences. 2021. Vol. 7. N. 1. 1918370. DOI: 10.1080/23311886.2021.1918370.
14. Larmore Ch. Liberal and republican conceptions of freedom // Critical Review of International Social and Political Philosophy. 2003. Vol. 6. N 1. P. 96–119. DOI: 10.1080/13698230510001702693.
15. Game Ch. Local elections // Local Government Studies. 1981. Vol. 7. N 2. P. 63–68. DOI: 10.1080/03003938108432936.
16. Claassen Ch. Does Public Support Help Democracy Survive? // American Journal of Political Science. 2019. Atps.12452. DOI: 10.1111/ajps.12452.
17. Colenut B. Local Democracy and Inner City Regeneration // Local Economy. 1988. Vol. 3. N 2 (August). P. 119–125.
18. Easton D. A Re-Assessment of the Concept of Political Support // British Journal of Political Science. 1975. N 5 (4). P. 435–457. DOI:10.2307/193437.
19. Ong E. Electoral manipulation, opposition power, and institutional change: Contesting for electoral reform in Singapore, Malaysia, and Cambodia // Electoral Studies. 2018. Vol. 54. P. 159–171. DOI:10.1016/j.electstud.2018.05.006.
20. Martinez i Coma F., Morgenbesser L. Election turnout in authoritarian regimes // Electoral Studies. 2020. Vol. 68. P. 102–222. DOI: 10.1016/j.electstud.2020.102222.
21. Dollbaum J. M. Protest trajectories in electoral authoritarianism: from Russia's "For Fair Elections" movement to Alexei Navalny's presidential campaign // PostSoviet Affairs. 2020. P. 1–19. DOI: 10.1080/1060586X.2020.1750275.

22. Herron D. R., Lijphart A. Democracies: Patterns of Majoritarian and Consensus Government in Twenty-One Countries // *The American Political Science Review*. 1985. N 79 (3). P. 876. DOI:10.2307/1956899.
23. Miller D. The competitive model of democracy // *Democratic Theory and Practice* / ed. G. Duncan. Cambridge : Cambridge University Press, 1983.
24. Quirk B. Innovation in local democracy: The London borough of Lewisham // *Local Government Studies*. 2006. N 32 (3). P. 357–372. DOI: 10.1080/03003930600693237.
25. Rodewald C. *Democracy: Ideas and Realities*. London : Dent, 1974.

Об авторе:

Перевышин Никита Владимирович, руководитель ООО «Центр исследования правоприменения» (г. Уфа, Республика Башкортостан, Российская Федерация); nperevyshin@yandex.ru

References

1. Gorodetskaya E. G. Motivation of the electoral behavior of student youth // *Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Sociology. Pedagogy. Psychology [Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Sotsiologiya. Pedagogika. Psikhologiya]*. 2020. V. 6. N 4. P. 23–29. (in Rus)
2. Dahl R. A. *Polyarchy: participation and opposition/translation from English* S. Denikina, V. Baranov; HSE. M.: Publishing House of HSE, 2010. 288 p. (Political theory). (in Rus)
3. Inglehart R., Welzel K. *Modernization, cultural change and democracy: The sequence of human development*. M.: New publishing house, 2011. 464 p. (Library of the Liberal Mission Foundation). (in Rus)
4. Crouch K. *Postdemocracy/translation from English* N. V. Edelman; HSE. M.: Publishing House of HSE, 2010. 192 p. (in Rus)
5. Mair P. *Ruling the void: the erosion of Western democracy/translation from English* D. Matkina, A. Novikov, I. Soboleva, V. Stepanova. M.: Gaidar Institute Publishing House, 2019. 216 p. (in Rus)
6. Medvedev Yu. S. Why do autocrats need elections? Political science on the role of elections in authoritarianism // *Comparative politics [Sravnitel'naya politika]*. 2020. V. 11, N 4. P. 189–200. (in Rus)
7. Perevyshin N. V. Territorial public primaries as the basis of Russian parliamentarism // *Citizen. Elections. Power [Grazhdanin. Vybory. Vlast']*. 2021. N 1 (19). P. 148–160. (in Rus)
8. Tinyakov D. K. Public influence as a factor in the political and managerial process in the regions of Russia: a conceptual (non-)possibility in a hybrid mode? // *Bulletin of Perm University [Vestnik Permskogo universiteta.]*. Series: Political Science. 2019. V. 13, N 4. P. 81–90. (in Rus)
9. Khubaeva D. F. Absenteism in municipal elections in the Russian Federation // *Law Journal of Samara University [Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta]*. 2020. V. 6, N 3. P. 133–138. (in Rus)
10. Shkel S. N. Trumpism: the rise of authoritarian populism in the digital era // *Political science [Politicheskaya nauka]*. 2021. N 1. P. 322–332. (in Rus)
11. Shkel S. N. Evolution of the political consciousness of modern societies: does a regime environment matter? // *Political science [Politicheskaya nauka]*. 2017. N 1. P. 253–280. (in Rus)
12. Schumpeter J. A. *Theory of Economic Development. Capitalism, Socialism and Democracy / translation from German; translation from English* M.: Eksmo, 2008. 864 p. (Anthology of Economic Thought). (in Rus)
13. Aloysius-Michaels Okolie, Kelechi Elijah Nnamani, Gerald Ekenedirichukwu Ezirim, Chukwuemeka Enyiazu & Adanne Chioma Ozor () Does liberal democracy promote economic development? interrogating electoral cost and development trade-off in Nigeria's fourth republic // *Cogent Social Sciences*. 2021. Vol. 7. N. 1. 1918370. DOI: 10.1080/23311886.2021.1918370.
14. Larmore Ch. Liberal and republican conceptions of freedom // *Critical Review of International Social and Political Philosophy*. 2003. Vol. 6. N 1. P. 96–119. DOI: 10.1080/13698230510001702693.
15. Game Ch. Local elections // *Local Government Studies*. 1981. Vol. 7. N 2. P. 63–68. DOI: 10.1080/03003938108432936.
16. Claassen Ch. Does Public Support Help Democracy Survive? // *American Journal of Political Science*. 2019. Ajsps.12452. DOI: 10.1111/ajps.12452.

17. Colenut B. Local Democracy and Inner City Regeneration // Local Economy. 1988. Vol. 3. N 2 (August). P. 119–125.
18. Easton D. A Re-Assessment of the Concept of Political Support // British Journal of Political Science. 1975. N 5 (4). P. 435–457. DOI:10.2307/193437.
19. Ong E. Electoral manipulation, opposition power, and institutional change: Contesting for electoral reform in Singapore, Malaysia, and Cambodia // Electoral Studies. 2018. Vol. 54. P. 159–171. DOI:10.1016/j.electstud.2018.05.006.
20. Martinez i Coma F., Morgenbesser L. Election turnout in authoritarian regimes // Electoral Studies. 2020. Vol. 68. P. 102–222. DOI: 10.1016/j.electstud.2020.102222.
21. Dollbaum J.M. Protest trajectories in electoral authoritarianism: from Russia's "For Fair Elections" movement to Alexei Navalny's presidential campaign // PostSoviet Affairs. 2020. P. 1–19. DOI: 10.1080/1060586X.2020.1750275.
22. Herron D.R., Lijphart A. Democracies: Patterns of Majoritarian and Consensus Government in Twenty-One Countries // The American Political Science Review. 1985. N 79 (3). P. 876. DOI:10.2307/1956899.
23. Miller D. The competitive model of democracy // Democratic Theory and Practice / ed. G. Duncan. Cambridge : Cambridge University Press, 1983.
24. Quirk B. Innovation in local democracy: The London borough of Lewisham // Local Government Studies. 2006. N 32 (3). P. 357–372. DOI: 10.1080/03003930600693237.
25. Rodewald C. Democracy: Ideas and Realities. London : Dent, 1974.

About the author:

Nikita V. Perevyshin, Head of the Center for Law Enforcement Research LLC (Ufa, Republic of Bashkortostan, Russian Federation); nvperevyshin@yandex.ru